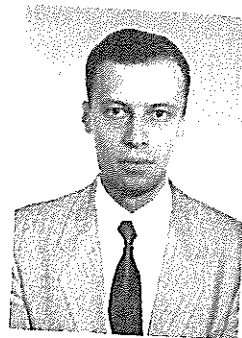

Недействительность третейского соглашения*

В. Н. АНУРОВ, кандидат юридических наук

Отрицание принципа автономности третейского соглашения

Наряду с признанием принципа автономности третейского соглашения в правовом регулировании третейского разбирательства можно встретить и прямо противоположный подход, основанный на отрицании данного принципа. Если использовать терминологию С. Н. Лебедева и А. А. Костина, такие правила должны рассматриваться как негативные правовые нормы. К ним относятся положения пункта 3 статьи 5 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», ограничивающие волю сторон третейского соглашения в части передачи спора по договору, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах.¹ Ограничение представляет собой императивное требование о заключении третейского соглашения между сторонами после возникновения оснований для предъявления иска. В случае несоблюдения сторонами этого требования третейское соглашение может быть признано недействительным.

Как видно из приведенного описания вышеназванной правовой нормы, формула договора присоединения распространяется на основной договор. Хотя способ ее изложения в тексте допускает и иную трактовку, в частности, распространение правового режима договора присоединения на третейское соглашение, уточняющие термины (предложенный договор, договор присоединения) все же указывают на правомерность первой точки зрения, которая устанавливает зависимость третейского соглашения от классификации основного договора. Эта зависимость проявляется в двух аспектах. Во-первых, негативная правовая норма устанавливает недействительность третейского соглашения при наличии действительного основного договора. Специальная защита интересов присоединившейся стороны, предусмотренная статьей 428 Гражданского кодекса РФ, заключается не в установлении необратимых последствий для обеих сторон, которые приводят к утрате правового эффекта всех совершенных действий, составляющих сделку, а в предоставлении присоединившейся стороне возможности изменить или расторгнуть договор. Прекращение прав и обязанностей сторон на будущее время влечет определенные ограничения имущественных требований, заявляемых заинтересованной стороной при выборе данного средства судебной защиты. В любом случае, правовое регулирование договора присоединения не охватывает

* Продолжение. Начало см. в № 4 за 2007 год.

¹ Пункт 3 статьи 5 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» гласит: «Третейское соглашение о разрешении спора по договору, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (договор присоединения), действительно, если такое соглашение заключено после возникновения оснований для предъявления иска».

случаи признания. Получается, что функция направлена на ограждение третейского соглашения, в то время как в случае неудачного исхода складываются правовые последствия третейского соглашения, незамеченные арбитражными судами.

ООО «Строительная компания» в числе и в перечисленных в данном списке рассматриваемых дел было заключено банковское соглашение, определенное в соответствии с постановлением Арбитражного суда РФ. В ходе исследования доводов о том, что в соответствии с постановлением 5 Федерального арбитражного суда в отношении заключенного соглашения не было рассмотрено, позволяющее присоединение к банковскому соглашению на иных условиях изменение условий.

Вынесенное арбитражным судом постановление о признании недействительным соглашения на рынке и партнерства, подтверждающих подобный рода

² Подробнее см.: Бюджетные положения. М., 2007.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

⁴ «Вместе с тем, в данном случае стало серьезной проблемой мелким шрифтом в банке, очень расценивается воспрепятствовать Деменьева С. Третейский суд».

случаи признания сделки недействительной, даже по причине ее кабальности.² Получается, что негативная правовая норма не только не выполняет защитную функцию принципа автономности третейского соглашения, а, наоборот, направлена на его разрушение. Позитивная правовая норма преследует цель оградить третейское соглашение от разрушающего влияния основного договора, в то время как ее антипод искусственно создает его, что является примером неудачного применения гражданских правовых институтов в отношениях, складывающихся между участниками третейского разбирательства. Во-вторых, правовой режим основного договора предопределяет правовой режим третейского соглашения. Данный аспект негативной правовой нормы остается незамеченным в полемике, развернувшейся после рассмотрения Высшим Арбитражным Судом РФ дела «Строительно-монтажного управления-10»³.

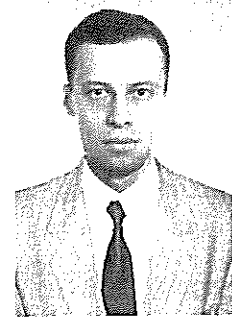
ООО «Строительно-монтажное управление-10» обратилось в суд первой инстанции с иском к ОАО «Акционерный коммерческий банк «АК Барс» о зачислении и восстановлении на своем расчетном счете денежных средств, перечисленных ему третьим лицом, и о взыскании процентов за необоснованное списание денежных средств. Исковое заявление было оставлено без рассмотрения по причине действующего третейского соглашения, которое было заключено в виде третейской оговорки, содержащейся в договоре банковского счета. В свою очередь, условия договора банковского счета были определены банком в стандартной форме. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ пришел к следующим выводам. Судом первой инстанции не были исследованы представленные истцом документы в подтверждение своих доводов о том, что договор банковского счета является договором присоединения. Установление данного факта означает применение пункта 3 статьи 5 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», устанавливающего действительность третейского соглашения только в случае его заключения после возникновения оснований для предъявления иска. При новом рассмотрении спора суду необходимо проверить обстоятельства, позволяющие установить или опровергнуть факт заключения договора присоединения: утверждение ответчиком стандартной формы договора банковского счета, подписание другими клиентами аналогичного договора на иных условиях, наличие полномочий у представителя ответчика на изменение условий, содержащихся в стандартной форме.

Вынесенное решение стали рассматривать как своеобразное послание недобросовестным предпринимателям, занимающим монопольное положение на рынке и использующим его в целях принуждения своих более слабых партнеров и потребителей к заключению третейских соглашений, предусматривающих передачу споров в «карманные» третейские суды.⁴ Приведение подобного рода соображений допустимо в случае распространения правового

² Подробнее см.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2000. С. 261 (автор главы 3 – Брагинский М. И.).

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июля 2006 г. № 2718/06.

⁴ «Вместе с тем, в других странах принуждение банками клиентов к третейским разбирательствам стало серьезной проблемой. По словам Игоря Егорова, ситуация, когда в типовых формулярах мелким шрифтом напечатано условие о передаче споров в третейский суд, созданный самим банком, очень распространена, например, в Латвии. Постановление президиума ВАС РФ должно воспрепятствовать развитию этой практики в России». См.: Плешанова О., Начаров С., Мойсеев И., Деменьева С. Третейского не дано // Коммерсантъ. 27 июля 2006 г.

ый подход, осно-
зь терминологию
матриваться как
пункта 3 статьи 5
ерации», ограни-
редачки спора по
формулярах или
ой императивное
сторонами после
ае несоблюдения
т быть признано

правовой нормы,
эновной договор.
эвку, в частности,
ия на третейское
, договор присо-
зрения, которая
ассификации ос-
ктах. Во-первых,
ость третейского
ура. Специальная
нная статьей 428
ии необратимых
равового эффек-
предоставлении
горгнуть договор.
ия влечет опреде-
емых заинтересо-
ациты. В любом
я не охватывает

й Федерации» гласит:
ого определены одной
няты другой стороной
говор присоединения),
оснований для предъ-

режима договора присоединения на третейское соглашение. Дело «Строительно-монтажного управления-10», а также остальные аналогичные дела, рассмотренные российскими государственными судами, свидетельствуют только о преобладании такого толкования вышеназванной правовой нормы, которое предусматривает распространение формулы договора присоединения на основной договор, а не на третейское соглашение.⁵

Отсутствие негативных правовых норм не исключает возникновения случаев в правоприменительной практике, которые свидетельствуют об отрицании государственными или третейскими судами принципа автономности третейского соглашения. Формулировка этого принципа в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 года, принятых на его основе внутригосударственных законах, регулирующих вопросы третейского разбирательства, а также в регламентах постоянно действующих третейских судов используется в большинстве случаев, когда оспаривается компетенция третейского суда. Одним из оснований такого оспаривания иногда указывается незаконность основного договора. Можно даже говорить о существовании определенной концепции, применяемой в западной судебной практике, в основе которой лежит отрицание принципа автономности третейского соглашения.

Незаконность основного договора представляет собой нарушение сторонами правил, играющих первостепенную роль в правовом регулировании и имеющих, вследствие этого, императивный характер. Важность, придаваемая им законодателем, подразумевает их неуклонное соблюдение сторонами и правоприменительными органами. В этой связи становится понятной та озабоченность, которая возникает у заинтересованных лиц по поводу соблюдения императивных правил третейскими судами. Если государственные суды призваны осуществлять правосудие в соответствии с принципом законности, составной частью которого является соблюдение императивных правил, то третейские суды прежде всего разрешают спор, исходя из представлений о справедливости. Запрет на пересмотр третейского решения по существу в некоторых случаях выступает препятствием для применения другого важного принципа, устанавливающего недопустимость придания правового эффекта и приведения в исполнение незаконных договоров. В качестве одного из способов устранения такого негативного явления в западной юридической литературе предлагается наделить третейских судей инквизиторскими функциями по расследованию фактов, свидетельствующих о незаконности основного договора.⁶ Подобные предложения основаны не только на безоговорочной вере в объективность третейских судей, но и на убеждении о разделении третейской оговоркой судьбы основного договора в определенных случаях. Если первый фактор не может подлежать правовой оценке, так как никаких правовых механизмов или гарантий по проведению третейскими судьями объективного расследования не существует, то второй вытекает из отрицания основополагающего принципа третейского разбирательства — принципа автономности третейского соглашения.

⁵ Подробнее см.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 23.11.2006 г. № А65-15874/2006-СГ1-17, Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.04.2004 г. № А19-9172/03-47-10-Ф02-924/04-С2, Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 08.10.2003 г. № Ф09-2858/03ГК.

⁶ Подробнее см.: Richard H. Kreindler. Aspects of illegality in the formation and performance of contracts // International Arbitration. Vol. 6. Issue 1. 2003. P. 10.

Правовы
вы приня
ковать дел
фактичес
лийским тр
контракта
там. Опреде
пришел к вы
на осуществ
тивоправно
Также англ
соглашения
дений, поср
и составляе
тейского со
лишающий
реализован
остается. Сс
ности споро
определяю
основной до
последствия
ничтожным
Однако
которыми о
Р. Крейндле
ствительнос
насилия или
никам, сфал
Р. Крейндле
ское соглаш

⁷ Soleimany v. Sa
Указ. соч.; Да
и принудител
Новокузнецк
арбитраж. 200

⁸ «Английский
ное предприя
выбранному
ков, несмотря
имеет значени
какого-либо
Р. 18. «Однако
праву, которол
См.: Дандес X

⁹ «Однако тот ф
говор, не обяза
договора, не в
действительнос
сделки, котор
соглашение бу
См.: Дандес X

Правовой основой для развития данного направления послужили мотивы принятия судебного решения по делу *Soleimany*. Чтобы правильно истолковать сделанные английским судом выводы, необходимо кратко изложить фактические обстоятельства дела.⁷ Третейское решение было вынесено английским третейским судом по спору, возникшему из незаконного импортного контракта по поводу распределения расходов, выплаченных контрабандистам. Определив содержание применимого еврейского права, третейский суд пришел к выводу о том, что противоправность основного договора не влияет на осуществление сторонами договора своих прав.⁸ Установление факта противоправности основного договора было отражено в третейском решении. Также английским судом была подтверждена действительность третейского соглашения, являющегося частью противозаконного договора. Цепь рассуждений, посредством которых английский суд пришел к этому выводу, как раз и составляет основу концепции, построенной на отрицании автономности третейского соглашения. Хотя в практическом плане такой радикальный подход, лишаящий третейское соглашение статуса самостоятельной сделки, не был реализован в описываемом деле, потенциальная возможность его применения остается. Ссылаясь на нарушение публичного порядка и правил арбитрабельности споров, английский суд допускает распространение правового режима, определяющего судьбу основного договора, на третейское соглашение. Если основной договор аморален и противозаконен, все негативные правовые последствия, связанные с отказом в судебной защите и признанием договора ничтожным, будут в равной степени касаться и третейского соглашения.⁹

Однако суровость этого сформулированного принципа смягчается некоторыми оговорками, ограничивающими сферу его действия. Во-первых, Р. Крейндлер указывает на то, что не все незаконные договоры влекут недействительность третейского соглашения. Сделки, заключенные под влиянием насилия или угрозы, а также с целью дачи взятки государственным чиновникам, сфальсифицированные договоры, безусловно, относятся, по мнению Р. Крейндлера, к той категории незаконных договоров, которые делают третейское соглашение недействительным. В то же время сделки, способствующие

⁷ *Soleimany v. Soleimany*. Подробное описание обстоятельств данного дела содержится в: Крейндлер Р. Указ. соч.; Дандес Х. Сибирский вклад в английское право: публичный порядок, незаконность и принудительное исполнение решений международных арбитражей. Дело *Soanco S.A.C.I.* против Новокузнецкого алюминиевого завода и последующие дела // *Международный коммерческий арбитраж*. 2003. № 3.

⁸ «Английский трибунал обратил внимание и признал факт вовлечения сторон в противозаконное предприятие, связанное с выплатой вознаграждений контрабандистам. Тем не менее, по выбранному сторонами еврейскому праву, английский трибунал присудил истцу сумму убытков, несмотря на признанную незаконность договора. Трибунал считал, что незаконность не имеет значения по причине применения еврейского права, которое не предусматривает оказание какого-либо влияния незаконности договора на права сторон». См.: *Richard H. Kreindler. Ibid.* P. 18. «Однако арбитр ... посчитал, что противоправность не играет никакой роли по еврейскому праву, которому возможная противоправность не оказывает никакого влияния на право сторон». См.: Дандес Х. Указ. соч. С. 63.

⁹ «Однако тот факт, что арбитражное соглашение, включенное в возможно недействительный договор, не обязательно теряет свою силу в результате последствий недействительности основного договора, не всегда означает, что недействительность основного договора никак не скажется на действительности арбитражного соглашения. Возможны противозаконные или аморальные сделки, которые неарбитрабельны по английскому праву, так как соответствующее арбитражное соглашение будет само по себе недействительно или будет противоречить публичному порядку». См.: Дандес Х. Указ. соч. С. 63.

развитию коррупции и торговле влиянием, не являются вопиющим нарушением закона. Здесь уже можно ставить вопрос о применимом праве и анализировать правовые последствия, предусмотренные этим правом в отношении незаконной сделки, что означает отказ от автоматического признания третейского соглашения недействительным.¹⁰ Создается впечатление, что принцип автономности третейского соглашения наряду с категорией публичного порядка и правилами арбитрабельности рассматриваются английскими судами как юридический инструментарий, который может быть применен по их усмотрению в зависимости от фактических обстоятельств того или иного дела и в целях достижения справедливости. Континентальная система права использует совсем другой подход, основанный на четкой системе правовых понятий и институтов, сводящей к минимуму произвольное оперирование ими даже в такой форме, как судебное усмотрение. По-видимому, у английского суда не возникает сомнений при рассмотрении общепризнанных случаев незаконности действий, носящих уголовный характер и направленных против прав личности.¹¹ Однако критический подход может быть применен к действиям лиц, не получившим уголовно-правовой оценки со стороны официальных органов того или иного государства в отношении правонарушений в предпринимательской деятельности. Во-вторых, терминология основного договора и формулировка исковых требований может скрывать противозаконный характер целей, которые преследуют стороны при его заключении. Прекрасным примером является указанное дело *Soleimany*. Английский суд пришел к выводу о том, что предметом третейского разбирательства являлся спор о разделении доходов от совместной предпринимательской деятельности. Ее преступная цель не была раскрыта сторонами в форме, достаточной для квалификации предмета спора как разногласия между преступниками о разделе доходов, полученных преступным путем, вследствие чего третейское соглашение было признано действительным.¹² Кстати, подобное поведение не является необычным при рассмотрении третейским судом споров, возникших из незаконных договоров. Сначала обе стороны соглашались с тем, что третейский суд будет рассматривать их спор, так как прекрасно понимают невозможность рассмотрения его в государственном суде. В этом случае третейский суд выступает как их соучастник. Его третейское решение фактически узаконивает преступную деятельность сторон, предоставляя им защиту их преступным интересам и привлекая в качестве помощника еще и государственный суд, который выдает исполнительный лист на третейское решение. Иногда сторона все-таки решает «вспомнить» о незаконности своей деятельности и раскрывает всю информацию о сделке, когда понимает, что проиграла дело. Таким образом, эта сторона нарушает договоренности, существующие между ней и другой стороной в явно выраженной или молчаливой

¹⁰ «В качестве альтернативы, договор, заключенный в результате коррупционной деятельности, или способствующий ей, может не рассматриваться как недействительный с самого начала (ничтожный). Причиной этому служит точка зрения о том, что коррупция является наименее очевидной формой незаконности, которая не затрагивает согласие сторон о заключении третейского соглашения». См.: Richard H. Kreindler Ibid. P. 16.

¹¹ Р. Крейнндлер считает, что в этот перечень должны быть включены противозаконные действия, носящие открытый характер: терроризм, диверсия, проституция, совращение малолетних, рабство и другие формы нарушения прав личности. См.: Richard H. Kreindler Ibid. P. 2.

¹² *Soleimany v. Soleimany*. Подробнее см.: Дандес Х. Указ. соч. С. 63.

форме. У другой добросовестно взаимоотношен

Немного дру соглашения в а вы для спекуля ного штата и ф тропинку, Верх мыми основны и изначально нное правило, сф отделимости де не применяется частей договора праву штата Ф заключалась в щичестве. Исте авансового пли ствующих про Суде США, де тономности тре штата Флорида Решение этого соглашений, та ривания основ публичный по силу перед фед Оппонент оха Верховному су существенную с говора являет Позиция заяв там: утвержде производстве штата в службу ного договора. действительну преступления, применения ф

Подход, пр первый взгляд ских судов. Од увидеть проти

¹³ *Buckeye check ca International Ar*

¹⁴ *Prima Paint v. F* изложить в сле должны придав ности основног

форме. У другой стороны появляется право обвинить первую сторону в недобросовестности, если, конечно, понятие «добросовестность» применимо во взаимоотношениях преступников.

Немного другую форму приобретает отрицание автономности третейского соглашения в американской судебной практике. В качестве плодородной почвы для спекуляций служит традиционное противопоставление права отдельного штата и федерального законодательства. Используя эту проторенную тропинку, Верховный суд штата Флорида провел различие между оспорируемыми основными договорами в соответствии с договорным правом штата и изначально недействительными в деле *Buckeye*.¹³ Суд разъяснил, что основное правило, сформулированное в деле *Prima Paint*¹⁴ и закрепляющее принцип делимости действительного третейского соглашения от основного договора, не применяется, так как нет делимых (*severable*), могущих быть спасенными частями договора, признанного незаконным и изначально недействительным по праву штата Флорида. Незаконность совершенной между сторонами сделки заключалась в нарушении императивных норм законодательства о ростовщичестве. Истец подписал чеки, подлежащие оплате в будущем за получение авансового платежа от ответчика. Доводы сторон, приводимые в соответствующих процессуальных документах для рассмотрения дела в Верховном Суде США, демонстрируют различные подходы к проблеме отрицания автономности третейского соглашения. Выводы, сделанные Верховным судом штата Флорида, заявитель сравнил с «перекрытием кислорода» (*breathtaking*). Решение этого суда, по его мнению, ослабляет юридическую силу третейских соглашений, так как разрешает истцам избегать этих соглашений путем оспаривания основного договора как незаконного по любому основанию, включая публичный порядок. Таким образом, право штата получает приоритетную силу перед федеральным правом, регулирующим вопросы арбитрабельности. Оппонент охарактеризовал позицию заявителя как просьбу, адресованную Верховному суду США, придать основному прецеденту *Prima Paint* преимущественную силу над правом штата. Вопрос о существовании основного договора является преддверием применения федерального законодательства. Позиция заявителя, по мнению оппонента, приводит к абсурдным результатам: утверждению третейских оговорок в соглашениях о продаже кокаина, производстве детской порнографии, заказных убийствах, превращению суда штата в слугу беззакония при санкционировании какой-либо части незаконного договора. Когда право штата рассматривает сделку как изначально недействительную по причине ее незаконности в форме совершения уголовного преступления, не существует договора, который бы являлся основанием для применения федерального закона.

Подход, продемонстрированный английским и американским судами, на первый взгляд, направлен на существенное ограничение компетенции третейских судов. Однако если пристально присмотреться к нему, то можно скорее увидеть противоположный эффект от его использования в судебной практике.

¹³ *Buckeye check cashing Inc v. John A. Cardegna* (2005). Подробное описание обстоятельств дела см. в: *International Arbitration*. Vol. 8. Issue 6. 2005 P. 75, 76.

¹⁴ *Prima Paint v. Flood & Conkin Mfg Co* (1967). Правило, сформулированное в этом деле, можно изложить в следующей редакции: «В отсутствие оспаривания третейского соглашения суды должны придавать ему юридическую силу путем передачи спора в отношении недействительности основного договора в третейский суд».

Узкие рамки применения данного подхода, представляющие собой описание одиозных случаев, редко встречающихся в практике третейских и государственных судов, фактически сводят на нет продекларированное отрицание автономности третейского соглашения. Другие случаи незаконности основного договора не вызывают у государственных судов беспокойства, связанного с непредсказуемостью оценки его третейскими судами.

Какие же критерии положены в основу разделения незаконных договоров на различные категории, оказывающие и не оказывающие влияние на третейское соглашение? Если суммировать все аргументы, используемые английским и американским судами при обосновании своих решений, можно констатировать преобладание в них доводов, носящих политический характер, нацеленных на решение текущих задач, а не формулирующих правила, которые могут применяться и в далеком будущем.¹⁵ Предпочтение одних юридических инструментов другим, определение степени незаконности совершаемых сторонами действий не проводят четкой грани между правовыми понятиями и институтами. Изначально неверно сформулированный принцип может создать целое направление в юридической науке, оперирующее не правовыми понятиями, а соображениями целесообразности. Подмена вопросов арбитрабельности спора, переданного на разрешение третейского суда, правовым режимом действительных сделок искажает цель отрицания правовых последствий заключенного сторонами соглашения о передаче спора на рассмотрение третейского суда. Кроме того, эта ошибка проявляется не только в абсолютном значении отрицания третейского соглашения — лишении его юридической силы в ретроспективном плане, но и в форме простого игнорирования его правового эффекта, которое проявляется в отказе от приведения в исполнение третейского решения. Государственный суд может сослаться на нарушение публичного порядка. Однако следует иметь в виду, что исполнение основного договора, признаваемого незаконным по применимому праву, не всегда противоречит публичному порядку страны, где подается заявление о приведении в исполнение третейского решения. Именно с этой проблемой столкнулись стороны, проигравшие свои дела в третейских разбирательствах и попытавшиеся оспорить исполнение третейских решений в Великобритании.¹⁶ Нарушение императивного правила страны исполнения основного договора (Кувейта), предусматривающего запрет на привлечение посредников при заключении внешнеэкономических договоров, не могло быть квалифицировано как незаконная сделка по применимому праву (Швейцария). Доказательства, приводимые в третейском разбирательстве заинтересованной стороной и свидетельствующие о совершении наиболее серьезного нарушения — даче взяток должностным лицам, по тем или иным причинам не нашли свое подтверждение в решении третейского суда по существу спора. Установление истины в таких сложных случаях, скорее всего, находится за пределами компетенции третейского суда и данного ему сторонами поручения по разрешению спора

¹⁵ «Такие решения, несомненно, отражают нравы текущего момента, и можно предположить, что, случись они двадцать лет назад или через двадцать лет, их исход был бы другим». См.: Дандес Х. Указ. соч. С. 77.

¹⁶ Речь идет о делах *Westacre Investments Inc. v. Jugoinport-SDRP Holding Co. Ltd. And Ors 1999* (*Westacre v. Jugoinport*) и *Omnium de Traitement et de Valorisation SA («OTV») v. Hilmarion Ltd, OBD 1998* (*Omnium v. Hilmatron*). Подробнее см.: Richard H. Kreindler. *Ibid*; Дандес Х. Указ. соч.

между ними.¹⁷ права страны исполнен основк основному д третейским су роны третейс время необосн ет интересы ст Эффективной власти в виде министративн норм одной из устранения тр незаконным д спора, передаи плоскость — новением для многочисленн юридическое третейского р суд указывает как недопусти права на возг государствен совершенной основного до оправдана со при осуществе тейскому суд сопутствующ лишь о тран последствия. умалчивающ в самоустран а в несении р денных трете мены третейс судебных пр ущерба собст основного до право стран внимание анг английский п

¹⁷ Р. Крейнндлер не обладает ма ошибкой счита предотвращен *Ibid*. P. 22.

с собой описание
ких и государст-
е отрицание ав-
ности основного
тва, связанного
законных дого-
нающие влияние
ы, используемые
решений, можно
тический харак-
ющих правила,
почтение одних
незаконности со-
жду правовыми
ванный принцип
ирующее не пра-
одмена вопросов
йского суда, пра-
щания правовых
че спора на рас-
ляется не только
я — лишении его
простого игнори-
зе от приведения
жет сослаться на
у, что исполнение
нимому праву, не
дается заявление
с этой проблемой
збирательствах и
Зеликобритании.¹⁶
новного договора
редников при за-
квалифицировано
) . Доказательства,
эй стороной и сви-
ния — даче взятка
и свое подтверж-
ановление истины
тами компетенции
азрешению спора

сно предположить, что,
другим». См.: Дандес X.

g Co. Ltd. And Ors 1999
1 («OTV») v. Hilmarton
indler. Ibid; Дандес X.

между ними.¹⁷ Третейский судья не обязан обладать знаниями уголовного права страны, где проходит третейское разбирательство или должен быть исполнен основной договор, не говоря уже о праве, подлежащем применению к основному договору и избираемому сторонами произвольно. Игнорирование третейским судом незаконности сделки нарушает интересы государства и стороны третейского соглашения, указывающей на это третейскому суду. В то же время необоснованное признание противоправного характера сделки нарушает интересы стороны, полагающейся на действительность основного договора. Эффективной помощью в такой ситуации является вмешательство публичной власти в виде правоохранительных органов. Возбуждение уголовных и административных процедур по факту нарушения соответствующих правовых норм одной из сторон третейского соглашения служит основанием для самоустранения третейского суда. Поэтому вопрос о признании основного договора незаконным должен решаться в рамках правового режима арбитрабельности спора, переданного на разрешение третейского суда. Перенесение его в другую плоскость — правовой режим действительности сделок, обусловлен возникновением для стороны, ссылающейся на незаконность основного договора, многочисленных рисков, связанных с применением государственными судами юридического инструментария, который призван обеспечить эффективность третейского разбирательства как способа разрешения споров. Английский суд указывает на приоритетный характер таких процессуальных принципов, как недопустимость пересмотра третейского решения по существу, лишения права на возражение недобросовестной стороны. Следуя этим принципам, государственный суд сознательно идет на допущение возможной ошибки, совершенной третейским судом при рассмотрении вопроса о незаконности основного договора. Представляется, что такая высокая цена не может быть оправдана соблюдением процессуальных принципов, которые применяются при осуществлении государственными судами правосудия. Поскольку третейскому суду не были делегированы данные полномочия, то и пользоваться сопутствующими им преимуществами он не вправе. Имеет смысл говорить лишь о трансформации процессуальных правил в гражданско-правовые последствия. Так, например, риск, который несет недобросовестная сторона, умалчивающая о незаконности основного договора, должен заключаться не в самоустранении государственного суда от пересмотра третейского решения, а в несении расходов по проведению третейского разбирательства, присужденных третейским судом ее процессуальному оппоненту, даже в случае отмены третейского решения. Также, исходя из упомянутых выше английских судебных прецедентов, задачей суда является недопущение причинения ущерба собственной национально-правовой системе. Доводы о незаконности основного договора, приведенные заинтересованной стороной со ссылкой на право страны, где сделка должна была быть исполнена, не принимаются во внимание английским судом, если обстоятельства дела никак не затрагивают английский публичный порядок. В качестве таких обстоятельств выступают

¹⁷ Р. Крейнндлер придерживается противоположной позиции по данному вопросу: «Третейский судья не обладает мандатом по вовлечению себя в построение социальных отношений, но было бы ошибкой считать, что его статус не создает для него легитимную платформу по расследованию и предотвращению правонарушения в рамках данного ему поручения». См.: Richard H. Kreindler. Ibid. P. 22.

исполнение основного договора за пределами Великобритании и выводы третейского суда об отсутствии фактов, свидетельствующих о незаконности основного договора по применимому праву или праву места проведения третейского разбирательства.¹⁸ Осторожные высказывания о несоответствии различных публичных порядков превратились в жесткие формулировки о конфронтации английского публичного порядка и российского права в деле *Soimco*.¹⁹

Российский вариант решения проблемы незаконности основного договора, содержащего в себе третейскую оговорку, по-видимому, зависит от вида его порочности, о котором заявляет сторона, выступающая против третейского разбирательства. В случае установления ничтожности основного договора государственный суд вправе рассматривать спор по существу. В случае же оспоримости основного договора спор подлежит разрешению третейским судом.²⁰ Поскольку данные выводы были сформулированы без дальнейшего развития идеи, положенной в их основе, очень трудно предугадать путь, по которому пойдет судебная практика при толковании вышеназванных высказываний российских ученых. Может быть, сделанные выводы имеют характер опровержимых презумпций, которыми должен руководствоваться государственный или третейский суд при принятии решений о своей юрисдикции? В этом случае для стороны, выступающей против третейского разбирательства, сохраняется возможность отстаивать свои интересы исходя из применения последствий недействительности сделок отдельно к основному договору и к третейскому соглашению. Если же порочность основного договора предопределяет решение вопросов юрисдикции, налицо еще одно проявление подхода, отрицающего автономность третейского соглашения.

Полномочия государственного суда по признанию третейского соглашения недействительным

Как и в случае признания третейского соглашения несостоявшейся сделкой сфера судебного вмешательства охватывает и случаи признания данного соглашения недействительным. Такое вмешательство оправдано и на стадии

¹⁸ Подробнее см.: Richard H. Kreindler. Ibid. P. 19; Дандес Х. Указ. соч. С. 74–75.

¹⁹ «В любом случае, если уплата денег в соответствии с арбитражным решением приведет к тому, что НКАЗ совершит правонарушение по российскому праву, такие последствия будут очевидным результатом его собственного поведения, выразившегося в несоблюдении российского валютного законодательства, и английский публичный порядок был бы нарушен, если бы такое несоблюдение законодательства со стороны НКАЗ привело бы к его освобождению от обязанности уплатить присужденную в арбитражном решении сумму». См.: *Soimco* против НКАЗ // Дандес Х. Указ. соч. С. 60.

²⁰ «... государственный суд компетентен рассматривать дело по существу только в случае ничтожности арбитражной оговорки. Если же она имеет юридическую силу, то вопрос о недействительности контракта, в котором она содержится, должен разрешаться третейским судом». См.: Мусин В. А. Арбитражная оговорка во внешнеэкономическом контракте и проблема правопреимства // Третейский суд. 2000. № 4. С. 35. «В большинстве иных случаев, например, недействительности сделок по основаниям, предусмотренным ст.ст. 173–179 ГК РФ, третейскую оговорку, видимо, следует признать действительной, несмотря на недействительность договора. Такое последствие вытекает из того, что вышеперечисленные статьи ГК РФ содержат основания признания недействительности оспоримых сделок. В силу ст. 166 ГК РФ, до тех пор, пока такая сделка не признана недействительной судом, она действительна. Поэтому в данном случае именно третейский суд должен будет рассматривать иск о признании ее недействительной». См.: Морозов Э. М., Шиллов М. Г. Процессуальные вопросы третейского разбирательства в России // Третейский суд. 2000. № 3. С. 21.

третейского ра:
личии своей к
шения как гра
правового реж
его правового
соглашения не
ресованного ли
словами, речь
вания самой в
спора. Первос
играть государ
димостью реш
и исполнения т
в выше описы
к выводу о том
действительн
придана юрид
о признании ос
Хотя вопрос о
с вопросом о н
ривать и прим
в принципе ко
придерживати
с судьбой осн
процесса до в
тельности тре
позиция, по м
Подобная арг
возражений п
правового реж
водится тезис
соответствует
третейского р
называемом
функционирс
черкивает не
Некорректно
суды передав
и имеет местс

Справедл
ход не получ
стран и на м
ного суда по
ности были

²¹ «...сущность кс
вопросов, а в о
Арбитражное
2004. № 2.

ании и выводы о незаконности проведения трансфертного ценового соглашения в соответствии с формулировкой права в деле

новного договора зависит от вида против третейского соглашения. В случае нарушения третейским без дальнейшей догадки путь, вышеназванных выводы имеют руководствоваться с своей юрисдикции третейского разбирательства исходя из принципа основного принципа основного принципа еще одно о соглашении.

ию

стоявшейся сделкой признания дано и на стадии

5. ием приведет к тому, что будут очевидными последствиями валютного кризиса если бы такое несоблюдение от обязанности по НК РФ // Дандес Х.

только в случае возникновения вопроса о недействительности третейского соглашения. См.: Комментарий к Закону РФ от 28.06.97 № 118-ФЗ «О третейском разбирательстве в Российской Федерации» // М.: Юристъ, 2004. С. 10.

третейского разбирательства до вынесения третейским судом решения о наличии своей компетенции. Абсолютное игнорирование третейского соглашения как гражданско-правовой сделки, проявляющееся при применении правового режима несостоятельности третейского соглашения, и отрицание его правового эффекта, представляющее собой результат признания этого соглашения недействительным, свидетельствуют об одном намерении заинтересованного лица — отказе от участия в третейском разбирательстве. Иными словами, речь идет об устранении неопределенности в отношении существования самой возможности обращения к внесудебному способу разрешения спора. Первостепенную роль в устранении этой неопределенности должен играть государственный суд, который в любом случае сталкивается с необходимостью решения подобных вопросов на стадии оспаривания или признания и исполнения третейского решения. Подобная позиция нашла свое отражение в выше описываемом деле *Buckeye*. Верховный суд штата Флорида пришел к выводу о том, что положениям третейского соглашения, являющимся недействительными в соответствии с правом штата Флорида, не может быть придана юридическая сила, если ожидается вынесение судебного решения о признании основного договора незаконным и изначально недействительным. Хотя вопрос о юрисдикции государственного суда поднимается здесь в связи с вопросом о незаконности основного договора, эту ситуацию можно рассматривать и применительно к проблеме негативного эффекта, проявляющегося в принципе компетенции компетенции. Верховный суд штата Флорида не стал придерживаться выжидательной тактики. Связывая третейское соглашение с судьбой основного договора, суд отказался от приостановления судебного процесса до вынесения третейским судом решения в отношении действительности третейского соглашения и основного договора. Противоположная позиция, по мнению суда, оживила бы (*breathe life into*) «незаконный» договор. Подобная аргументация не является безупречной. В качестве обоснованных возражений против наметившейся тенденции по распространению единого правового режима на основной договор и третейское соглашение обычно приводится тезис об автономности последнего. Вместе с тем, конечный результат соответствует правильному пониманию судебного контроля над проведением третейского разбирательства. Критические высказывания, основанные на так называемом проарбитражном подходе, игнорируют правовые предпосылки функционирования третейского суда. Так, например, А. Г. Котельников подчеркивает недопустимость «подмены» третейских судов государственными.²¹ Некорректность этого тезиса проявляется в том, что именно государственные суды передают третейским судам часть своих полномочий, и поэтому если и имеет место подмена, то со стороны третейских судов.

Справедливости ради необходимо отметить, что описываемый выше подход не получил широкого распространения в судебной практике западных стран и на международном уровне. Более того, полномочия государственного суда по оценке третейского соглашения на предмет его действительности были существенным образом ограничены. С материально-правовой

²¹ «...сущность контроля судов за арбитражем состоит не в их подмене в разрешении особо важных вопросов, а в осуществлении преимущественно последующего контроля». См.: Котельников А. Г. Арбитражное соглашение и предъявление иска по существу спора в суде // Третейский суд. 2004. № 2.

точки зрения такие ограничения могут быть объяснены только в случае, если национальная правовая система разделяет концепцию внесудебного оспаривания сделок. Следуя этой логике, третейское разбирательство рассматривается как использование сторонами диспозитивного принципа, ограждающего стороны от судебного вмешательства. В процессуальном плане ограничение вышеназванных полномочий государственного суда реализуется через установление правил, предусматривающих пределы судебного расследования и распределения между сторонами бремени доказывания. В сущности, они способствуют закреплению общего правила об отсутствии у государственного суда юрисдикции при условии совершения стороной, заинтересованной в проведении третейского разбирательства, действий, свидетельствующих о ее намерении передать спор на рассмотрение третейского суда. В судебном заседании такой стороне достаточно продемонстрировать существование третейского соглашения и сделать заявление об отсутствии у государственного суда юрисдикции. Пункт 3 статьи 4 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года указывает на свершившийся факт инициирования одной из сторон третейского разбирательства. Для подтверждения юрисдикции государственного суда заинтересованной стороне необходимо доказать сомнительность и надуманность доводов своего процессуального оппонента о существовании третейского соглашения. Причем данное правило может и не распространяться на все третейские соглашения. Фактически самоустраниаясь от осуществления правосудия, государственные суды не могут не осознавать возможность совершения ошибки третейскими судами. Такая позиция может быть оправдана исходя из соображений целесообразности, но не права, если не нарушается национальный публичный порядок.²²

В российской юридической литературе была даже высказана точка зрения о том, что существует запрет на рассмотрение государственными судами вопросов об отсутствии, недействительности или утрате силы третейского соглашения, если подлежит применению Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1961 года. К такому выводу, по-видимому, приходит А. Г. Котельников, анализируя пределы судебного вмешательства в рассмотрение вышеназванных вопросов до вынесения третейского решения. В качестве примеров нормативного закрепления этого правила им приводятся соответствующие положения Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 года, Закона РФ о международном коммерческом арбитраже 1993 года и Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года. Последняя конвенция, по его мнению, в отличие от всех других перечисленных нормативных источников, запрещает государственному суду проводить самостоятельное исследование вопроса недействительности третейского соглашения, при наличии инициирования одной из сторон

²² В этой связи представляется интересным вывод, сделанный А. Г. Котельниковым при кратком описании дела *Foundation M. v. Banque X*: «В соответствии с этим решением, если местом проведения арбитража является Швейцария, то суд должен ограничиться исследованием действительности арбитражного соглашения *prima facie*. Если же местом проведения арбитража является другое государство, суд должен рассматривать возражения по поводу своей юрисдикции, основываясь на полном изучении дела». См.: Котельников А. Г. Указ. соч. С. 75.

третейского рас
ской конвенци
ректным переви
пользование сл
диспозицию пр
Кроме того, ис
цирование стс
отсутствие у го
судебного рассл
соответствует с
применении ди
женному на ан
вынесение реш
ных оснований

Осно

Идея об ус
третейского со
и в российской
ния этих основ
мало кто подве
режимов недей
Наибольшее ви
ния, направле
нарушения сви
глашения. Так
льного примен
сделки, соверш

²³ «При этом ст VI
решение вопрос
из сторон арбит
Котельников А.

²⁴ Изложение пун
русском языке:
арбитраже, то го
с иском по тому
арбитражным с
арбитражного с
поскольку у гос
от этого правил

²⁵ Изложение пун
на английском
proceedings bef
to deal with the
arbitration agre
the arbitrator's j
reasons to the co

²⁶ К такому выво
гознефтеэкспор
знанию действ
в виду основной
коммерческий

третейского разбирательства.²³ Такое толкование пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года вызвано некорректным переводом на русский язык последней фразы данного пункта. Использование слова «поскольку» преследует цель обосновать или объяснить диспозицию правовой нормы, что нарушает стилистику нормотворчества. Кроме того, искажается содержание правовой нормы. Получается, что инициирование стороной третейского разбирательства автоматически означает отсутствие у государственного суда достаточных оснований для проведения судебного расследования.²⁴ В переводе на английский язык слову «поскольку» соответствует слово «unless», что означает установление новых условий при применении диспозиции правовой нормы. Согласно данному пункту, изложенному на английском языке, государственный суд вправе не откладывать вынесение решения о компетенции третейского суда при наличии существенных оснований для этого.²⁵

Основания недействительности третейского соглашения

Идея об установлении самостоятельных оснований недействительности третейского соглашения получила широкое признание как в западной, так и в российской правовой доктрине. Многие ученые отмечают случаи совпадения этих оснований с основаниями недействительности основного договора, но мало кто подвергает сомнению мысль о необходимости разделения правовых режимов недействительности основного договора и третейского соглашения.²⁶ Наибольшее внимание уделяется случаям оспаривания общего волеизъявления, направленного на достижение цели третейского соглашения, по причине нарушения свободного формирования воли одной из сторон третейского соглашения. Так, например, Р. Крейнделер указывает на необходимость раздельного применения норм, предусматривающих признание недействительной сделки, совершенной под влиянием обмана или угрозы, к основному договору

²³ «При этом ст. VI (3) Европейской конвенции прямо указывает, что суд должен отложить разрешение вопроса о существовании и действительности арбитражного соглашения, если одна из сторон арбитражного соглашения уже подала заявление с просьбой об арбитраже». См.: Котельников А. Г. Указ. соч. С. 74.

²⁴ Изложение пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года на русском языке: «Если одна из сторон в арбитражном соглашении подала заявление с просьбой об арбитраже, то государственный суд, в который может в последующем обратиться другая сторона с иском по тому же предмету или по вопросу об отсутствии, недействительности или утрате силы арбитражным соглашением, должен отложить вынесение решения по вопросу о компетенции арбитражного суда до тех пор, пока арбитражный суд не вынесет решения по существу дела, поскольку у государственного суда нет достаточно существенных оснований для отступления от этого правила».

²⁵ Изложение пункта 3 статьи 6 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года на английском языке: «Where either party to an arbitration agreement has initiated arbitration proceedings before any resort is had to a court, courts of Contracting States subsequently asked to deal with the same subject-matter between the same parties or with the question whether the arbitration agreement was non-existent or null and void or had lapsed, shall stay their ruling on the arbitrator's jurisdiction until the arbitral award is made, unless they have good and substantial reasons to the contrary».

²⁶ К такому выводу пришли и арбитры ВТАК при ТПП СССР, рассматривая спор между ВО «Союзнефтеэкспорт» и бермудской фирмой «Джок Ойл Лтд.»: «Требования, предъявляемые к признанию действительными двух различных по своей юридической природе договоров (имеются в виду основной договор и третейское соглашение), могут не совпадать». См.: Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 2. С. 157.

и третейскому соглашению.²⁷ А. А. Костин, наоборот, выделяет случаи совпадения правовых режимов недействительности основного договора и третейского соглашения.²⁸

В свою очередь, наиболее частым проявлением порока воли является отсутствие полномочий у лица, совершающего сделку от имени и в интересах юридического лица. Его особый статус, созданный в результате применения юридической фикции и, как следствие этого, характеризуемый сложным порядком формирования волеизъявления, предопределяет выбор правовой квалификации действий лица, наделенного полномочиями совершать сделки от имени и в интересах юридического лица или не имеющего таковых. Если данное лицо выходит за рамки выданной ему доверенности, то возможно применение правового режима несостоятельности сделки в отношении юридического лица, к примеру, применение последствий, предусмотренных пунктом 1 статьи 183 Гражданского кодекса РФ. Сделка признается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если юридическое лицо (представляемый) впоследствии прямо не одобрит данную сделку. Если проблема заключается в превышении органом юридического лица своих полномочий, подлежат применению правила, установленные правовым режимом недействительности сделки.²⁹ Постановка ключевого вопроса, с помощью которого устанавливается внутренний признак правового режима несостоятельности сделок, здесь не имеет никакого смысла. Ведь речь идет не об идентификации заинтересованного лица с лицом, волеизъявление которого положено в основу совершенной сделки. Отсутствие полномочий у органа юридического лица подразумевает отсутствие способности приобретать гражданские права и нести гражданские обязанности через этот орган, исходя из смысла статьи 53 Гражданского кодекса РФ. Используемая терминология соответствует общеизвестной формуле правоспособности. Выход за ее пределы связан с применением правового режима недействительности сделки, а не института представительства.³⁰

²⁷ «Поэтому, случаи, когда раньше третейское соглашение рассматривалось как разделяющее судьбу основного договора, признанного ничтожным, должны быть пересмотрены. Данный вывод может охватывать даже и случаи оспоримости по причине обмана или угрозы». См.: Richard H. Kreindler. Ibid. P. 8.

²⁸ «Соответственно, если условие(я) о недействительности контракта, например, отсутствие или недостаточность полномочий или пороки воли сторон контракта, в равной степени относятся к арбитражной оговорке, последняя также может быть признана недействительной на этом основании». См.: Костин А. А. Арбитражное соглашение // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 2. С. 8. «Возможны и такие основания для недействительности арбитражного соглашения, как пороки воли сторон. Заблуждение, принуждение, то есть в данном случае, я говорю о тех основаниях, которые одновременно могут опорочить, то есть привести к недействительности как основного контракта, так и третейской оговорки». См.: Костин А. А. Pacta sunt servanda в аспекте арбитражного соглашения // Третейский суд. 2003. № 4. С. 43.

²⁹ Пункт 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.05.1998 г. № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» гласит: «В связи с этим следует иметь в виду, что статья 174 ГК РФ не применяется в случаях, когда орган юридического лица действовал с превышением полномочий, установленных законом. В указанных случаях надлежит руководствоваться статьей 168 ГК РФ».

³⁰ «Правовая природа органов управления юридического лица обусловлена, с одной стороны, процессами волеобразования и волеизъявления, с другой — представлением юридического лица вовне по отношению ко всем третьим лицам — участникам гражданского оборота. Причем указанное «представление» не следует путать с одноименными отношениями представительства, урегулированными главой 10 ГК РФ». См.: Сергеев А., Терещенко Т., Игнатенко А., Кирдашкин Д. Некоторые аспекты разграничения компетенции органов управления акционерного общества // Хозяйство и право. 2005. № 7. С. 78.

Установление и представляет искл. смотрении им заял. Высшим Арбитраж. должны иметь в ви. номочиях лиц, подп. что при недостаточ. ных лиц, решение может быть оспорено лишь значимость. заниматься ниже. сению свидетельству. ями в мотивирован. позицию, основан. третейского согла. которым выводам. логику рассужден. решений, вынесен. вступившие в силу. тельности основн. чению, начиная по. рода терминологи. дующего умозакл. образом мысль не. фактов, установл. обычно излагаем. ция, которые пов. как простое совпа. самостоятельных. от пересмотра вы. ра по существу. Т. третейского согла.

³¹ «В отсутствие сведений юридического лица и докум. шение и участвующ. отказа в выдаче исп. суда решен быть не. от 27.09.2005 г. № 55».

³² «Поскольку вступив. суда от 01.04.2004 г. : тельным по английск. установлении дейст. щейся в соглашении. округа от 23.09.2004. иные основания дл. сделанный судом в. роса о выборе прил. и как конечный резу. мула использовала. «Контракт, пунктом. действительным дл. ного соглашения м. являются ошибочн.

г случаи совпа-
вора и третей-

воли является
и и в интересах
те применения
мый сложным
ыбор правовой
ершать сделки
таковых. Если
возможно при-
нении юридиче-
ных пунктом 1
аключенной от
ое лицо (пред-
Если проблема
х полномочий,
ежимом недей-
оцью которого
остоятельности
идентификации
ложено в осно-
дического лица
е права и нести
ги 53 Граждан-
общеизвестной
енением право-
вительства.³⁰

как разделяющее
ены. Данный вывод
зы». См.: Richard H.

тер, отсутствие или
степени относится
вительной на этом
и коммерческий ар-
ости арбитражного
ь в данном случае,
ь привести к недей-
стин А. А. Pacta sunt
С. 43.

5.1998 г. № 9 «О не-
кой Федерации при
к» гласит: «В связи
х, когда орган юри-
оном. В указанных

з, с одной стороны,
ием юридического
го оборота. Причем
представительства,
го А., Кирдяшкин Д.
нерного общества //

Установление полномочий сторон, заключивших третейское соглашение, представляет исключительную важность для государственного суда при рассмотрении им заявления о приведении в исполнение третейского решения. Высшим Арбитражным Судом РФ был сформулирован общий вывод, который должны иметь в виду все нижестоящие суды при возникновении спора о полномочиях лиц, подписавших третейское соглашение. Суть его заключается в том, что при недостаточности доказательств, подтверждающих полномочия данных лиц, решение суда о принудительном исполнении третейского решения может быть оспорено.³¹ Таким образом, Высший Арбитражный Суд обозначил лишь значимость существующей проблемы, разрешением которой должны заниматься нижестоящие суды. Об отсутствии единого подхода к ее разрешению свидетельствует большой спектр различных мнений, выраженных судьями в мотивировочной части судебных решений. Среди них можно выделить позицию, основанную как на признании, так и на отрицании автономности третейского соглашения. О существовании последней можно судить по некоторым выводам, носящим, правда, попутный характер, но объясняющим логику рассуждений судей. Так, в ряде дел суд обосновывает правомерность решений, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями, со ссылкой на вступившие в силу третейские решения. В них содержатся выводы о действительности основного договора, на основании которых суды приходят к заключению, начиная построение своих рассуждений со слова «поскольку».³² Такого рода терминология подразумевает установление прямой зависимости последующего умозаключения от первого. Может быть, выраженная подобным образом мысль не означает, что суд фактически ограничивается констатацией фактов, установленных третейским судом. В пользу этого свидетельствуют обычно излагаемые судом описание фактов и их юридическая квалификация, которые повторяют выводы третейского суда. Можно расценивать это как простое совпадение двух точек зрения, сформировавшихся в результате самостоятельных исследований, а можно — как отказ государственного суда от пересмотра выводов, сделанных третейским судом при рассмотрении спора по существу. В последнем случае речь идет об отрицании автономности третейского соглашения и искаженном понимании принципа, налагающего

³¹ «В отсутствие сведений о порядке создания третейского суда, учредительных документов юридического лица и документов, подтверждающих полномочия лиц, подписавших третейское соглашение и участвующих в судебном разбирательстве, вопрос о наличии или отсутствии оснований отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда решен быть не может». См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.09.2005 г. № 5517/05.

³² «Поскольку вступившим в законную силу решением Лондонского международного третейского суда от 01.04.2004 г. по делу № 3515 рассматриваемое кредитное соглашение признано действительным по английскому праву, суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу об установлении действительности по английскому праву также арбитражной оговорки, содержащейся в соглашении. См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.09.2004 г. № А21-2499/03-С1. Так как в данном судебном решении не указываются иные основания для признания третейской оговорки действительной по английскому праву, сделанный судом вывод можно рассматривать не только как решение предварительного вопроса о выборе применимого права для оценки действительности третейского соглашения, но и как конечный результат, к которому приводит выбор применимого права. Аналогичная формула использовалась в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ по делу № 59пв-2000: «Контракт, пунктом 10.1. которого являлась арбитражная оговорка, признан МКАС юридически действительным для Алросы. Следовательно, выводы судебных инстанций о том, что арбитражного соглашения между «Мум Уорлд Энерпрайзис» и Акционерной компанией «Алроса» нет, являются ошибочными». Цит. по: Третейский суд. 2002. № 3/4. С. 85.

запрет на пересмотр третейского решения по существу. Позиция, основанная на признании автономности третейского соглашения, была продемонстрирована арбитрами МКАС при ТПП РФ в делах № 125/2000, 126/2000 и 143/2000.³³ В этих делах полномочия лица, представляющего компанию истца в третейском разбирательстве, на заключение третейского соглашения были исследованы в отрыве от его полномочий на заключение основного договора. Применяя к третейскому соглашению правовой режим сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, арбитры попытались интерпретировать все существенные признаки данных сделок к третейскому соглашению. В частности, нарушением прав и законных интересов заинтересованных лиц в виде причинения убытков компании истца было признано изменение места проведения третейского разбирательства, что могло повлечь несение дополнительных расходов для истца. Поскольку компания истца находилась на стадии банкротства, такими заинтересованными лицами выступали ее кредиторы.

В большинстве случаев суд устанавливает отсутствие полномочий у лица, не разделяя правовые режимы основного договора и третейского соглашения. Обычно предметом судебного исследования выступают документы, определяющие должностное положение лица в иерархии органов компании, или доверенность, выданная ему для представления ее интересов. Первый случай, без сомнения, можно рассматривать в рамках правового режима недействительности третейского соглашения. Так, например, в деле ЗАО «Корпорация «Уралинвестэнерго»³⁴ разногласия сторон касались полномочий лица, действовавшего от имени компании без доверенности в качестве ее руководителя.

ЗАО «Корпорация «Уралинвестэнерго» (ответчик в третейском разбирательстве) обратилось в суд первой инстанции с заявлением об отмене решения третейского суда Уральской торгово-промышленной палаты, вынесенного в пользу ООО «Уралинвестэнерго» (истца в третейском разбирательстве). Суд первой инстанции отменил третейское решение. Федеральный арбитражный суд Уральского округа подтвердил правильность выводов суда первой инстанции о признании третейского соглашения недействительным со ссылкой на статьи 168 и 53 Гражданского кодекса РФ, так как было установлено, что третейское соглашение было подписано лицом, не являющимся на момент его подписания генеральным директором компании ответчика. Поэтому данное лицо не имело полномочий на заключение третейского соглашения.

Применение правового режима недействительности сделки вытекает из отсутствия полномочий у лица, подписавшего третейское соглашение и позиционирующего себя как орган управления компании. В этом случае основания недействительности основного договора и третейского соглашения могут

³³Подробнее см.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2001–2002 гг. Сост. М. Г. Розенберг. М., 2004. С. 373–384; Розенберг М. Г. Оспаривание арбитражного соглашения // Третейский суд. 2004. № 3. С. 35–42.

³⁴Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24.08.2005 г. № Ф09–2657/05–С6. Также полномочия лица, являющегося органом управления компании, исследовались судом первой инстанции в следующих делах: Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 04.12.2003 г. № КГ–А40/9463–03 и от 15.05.2006 г. № КГ–А40/3270–06, Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.12.2004 г. № А19–23914/04–10–Ф02–5283/04–С2, Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 20.07.2006 г. № А68–ГП–228/А–05.

совпадать. Суду не своей природой основной задачей для суда документ, представление. Второй случай не обязательно вл. Совершенные презаклученную между деленных условий Государственные с у лица, подписавши действительности как к правоотнош отрицание правов обеих сторон, а не менения статьи 18

³⁵Подробнее см.: По 20.12.2004 г. № А06–округа от 05.06.2006

³⁶Подробнее см.: Гутн оспаривания. М., 20

совпадать. Суду не требуется проводить различие между различной юридической природой основного договора и третейского соглашения. Единственной задачей для суда является установление полномочий лица, подписавшего документ, представляющего собой основной договор и третейское соглашение. Второй случай, связанный с проверкой полномочий представителя, не обязательно влечет отрицание правовых последствий для обеих сторон. Совершенные представителем действия можно рассматривать и как сделку, заключенную между ним и другой стороной, при условии выполнения определенных условий, предусмотренных статьей 183 Гражданского кодекса РФ. Государственные суды предпочитают решать спор об отсутствии полномочий у лица, подписавшего третейское соглашение, в рамках правового режима недействительности сделки.³⁵ Такая позиция возможна, если относиться к сделке как к правоотношению³⁶ и подразумевать под термином «недействительность» отрицание правовых последствий, могущих возникнуть только в отношении обеих сторон, а не одной из них, как это может произойти в результате применения статьи 183 Гражданского кодекса РФ.

иция, основанная
продемонстриро-
2000 и 143/2000.³³
зию истца в тре-
ашения были ис-
ювного договора.
юк, в совершении
зь интерпретиро-
юму соглашению.
ересованных лиц
) изменение места
несение дополни-
одилась на стадии
и ее кредиторы.
лномочий у лица,
жого соглашения.
кументы, опреде-
эв компании, или
в. Первый случай,
эжима недействи-
ЗАО «Корпорация
чий лица, действо-
руководителя.
релейском разби-
ением об отмене
иленной палаты,
третейском раз-
ское решение. Фе-
дил правильность
го соглашения не-
ского кодекса РФ,
е было подписано
ьным директором
юмочий на заклю-

делки вытекает из
оглашение и пози-
ом случае основа-
соглашения могут

го суда при ТПП РФ за
ривание арбитражного

ит 24.08.2005 г. № Ф09-
я компании, исследова-
зального арбитражного
06 г. № КГ-А40/3270-06,
о округа от 23.12.2004 г.
Зитражного суда Цент-

³⁵ Подробнее см.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 20.12.2004 г. № А06-1779у-4/03, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 05.06.2006 г. № КГ-А40/4627-06-П.

³⁶ Подробнее см.: Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2005. С. 52.